

От Чэн Фаня пахло шалфеем и морской солью — чистым, легким ароматом от Jo Malone. Этот травянистый, свежий, точно морской бриз, запах, смешавшись с ледяным дыханием ветра, коснулся лица Се Чунъяня.

Вслушиваясь в капризные, полные неохоты просящие нотки в голосе Чэн Фаня, Се Чунъянь внимательно его разглядывал.

Они впервые оказались так близко друг к другу. Настолько близко, что на аккуратном носу юноши можно было рассмотреть тончайшие, едва заметные волосы.

Кожа Чэн Фаня казалась необычайно бледной, но не болезненной, а чистой и полупрозрачной, словно драгоценный белый нефрит тончайшей огранки — безупречно гладкая, матовая.

Всего за пару встреч Се Чунъянь успел немного изучить характер своего визави. Если уж этот гордец переступил через себя и решился просить о помощи, возвращение в дом Чэнов действительно грозило ему серьезной опасностью.

Чэны не слышали, о чем именно шептал Чэн Фань, но близость между ним и Се Чунъянем заставляла их нешуточно нервничать.

Мать Чэн натянула фальшивую улыбку:

— Сяо Фань, вы еще успеете пообщаться с директором Се. Давай сначала вернемся домой.

Чэн Фань сделал крошечный шаг назад, увеличивая дистанцию. Он приподнял голову, зафиксировав взгляд на воротнике пальто Се Чунъяня. Заметив, что тот медлит с ответом, юноша угас, глаза его потускнели.

Мать Чэн настойчиво повторила:

— Сяо Фань, ну же, идем.

— Сяо Фань в последнее время сам не свой, да и здоровье у него слабое, нужен хороший отдых, — небрежно прислонившись к дверце автомобиля, после недолгого раздумья произнес Се Чунъянь. — Пожалуй, пока я заберу его в дом Се.

Старейшина Се, сидевший на заднем сиденье, нахмурился:

— Куда ты так торопишься? Впрочем, ладно. Сначала получи согласие его родителей.

Се Чунъянь кивнул, распахнул дверцу машины, жестом приглашая Чэн Фаня сесть в салон, а

сам направился к чете Чэн.

Как только Чэн Фань скрылся в салоне, Чэн Ань едва не взвился от ярости. Они ведь только вчера так тщательно все спланировали!

Заговорщики собирались заманить Чэн Фаня домой, запереть его на чердаке, урезать еду и силой напоить препаратом. После этого они бы просто объявили Се, что парень лишился рассудка и помолвку придется расторгнуть. Вряд ли влиятельный клан Се захочет родниться с умалишенным.

Госпожа Чэн с натянуто-серьезным видом ждала, когда Се Чунъянь заговорит.

— Через два месяца Сяо Фань достигнет возраста, когда мы сможем официально зарегистрировать брак. До тех пор пусть поживет у меня, нужно поправить его здоровье. Я позабочусь о нем, не беспокойтесь.

На этот раз Мать Чэн проявила твердость:

— Директор Се, как-никак Сяо Фань — мой сын. Ваше решение выглядит по меньшей мере бесцеремонным.

— Сяо Фань упомянул, что лечение в вашем доме не приносит никаких результатов, — ровным тоном парировал Се Чунъянь. — Если госпожа Чэн действительно печется о благе сына, ей стоит доверить его заботам лучших специалистов.

Очки в тонкой серебряной оправе должны были придавать его облику мягкость и ученую сдержанность, однако властная, тяжелая аура Се Чунъяня полностью подавляла собеседников. Сочетание внешней интеллигентности и скрытой, почти хищной силы делало его фигуру пугающе авторитетной.

Не оставив женщине ни единого шанса возразить, он мазнул холодным взглядом по лицу отца Чэна и Чэн Аня, развернулся и ушел.

Глядя вслед стремительно удаляющемуся роскошному представительскому седану, Мать Чэн задрожала от ярости:

— Дрянь мелкая! Только учуял богатство Се, как тут же побежал раздвигать ноги! Весь в свою мамашу, такая же дешевка!

— Замолчи, — оборвал ее почерневший от злости Отец Чэн. — Проклятиями горю не поможешь. Все уже решено. Теперь придется играть по их правилам — выжмем из этого союза максимум выгоды для бизнеса.

— А если во время обследования у врачей Се обнаружится, что мы годами его травили? — ядовито прошипела женщина. — Думаешь, этот щенок смолчит?

Отец Чэн растерянно замолчал, а затем выдавил:

— И... что теперь делать?

— Только и умеешь, что спрашивать! — взорвалась Мать Чэн. — Глава семьи называется! Все приходится решать мне! До чего же ты ничтожен!

Чэн Ань, глядя на семейную сцену, совсем потерял самообладание. В бешенстве он изо всей силы пнул колесо стоявшей рядом машины. Сработала сигнализация, огласив улицу истошным воем.

— Я пройдуся, — бросил он и, кипя от злости, зашагал прочь. Ему срочно требовалось выпить в компании приятелей.

Автомобиль сначала заехал в фамильное поместье, где высадил Старейшину Се, а затем взял курс на загородную виллу Се Чунъяня в элитном поселке Лишуй Хэтин.

Хотя это место считалось пригородом, дорога до офиса Се Чунъяня занимала всего сорок минут. Чистейший воздух, живописные пейзажи и уединенность делали этот жилой комплекс одним из самых престижных в стране.

Весь путь они проделали в полном молчании. Се Чунъянь сосредоточенно читал документы на планшете, а Чэн Фань безучастно смотрел на мелькавшие за окном пейзажи.

В просторной гостиной их встретил тонкий, ненавязчивый аромат дорогого дерева. Интерьер виллы разительно отличался от вычурного великолепия особняка Чэнов: здесь царил строгий современный минимализм с элементами «умного дома», где любая деталь управлялась парой кликов на сенсорной панели.

Штат прислуги состоял всего из кухарки и преданного пожилого дворецкого, а все бытовые мелочи координировал личный секретарь хозяина.

— Дядя Чэнь, проводите Чэн Фаня наверх, пусть выберет себе комнату, — Се Чунъянь небрежным жестом ослабил узел галстука. Его голос зазвучал мягче, избавившись от деловой сухости. Он повернулся к юноше: — Хочешь отдохнуть с дороги? Или сразу обсудим детали нашего соглашения?

Чэн Фань покачал головой:

— Я не устал.

— Хорошо. Как устроишься, жду тебя в кабинете.

На третьем этаже дядя Чэнь предупредительно распахнул двери:

— Молодой господин Чэн, господин Се упомянул о вашем слабом здоровье. Вот эти две спальни — самые солнечные и тихие, я бы рекомендовал выбрать одну из них.

Внутри царил безупречный порядок. Планировка была превосходной: просторная спальня, гардеробная, туалетный столик и ванная комната переходили в небольшую уютную гостиную. Огромные панорамные окна пропускали мягкий, рассеянный свет, ложившийся на паркет теплыми золотистыми квадратами.

— Дядя Чэнь, — негромко спросил Чэн Фань, — а из какой комнаты лучше всего видна луна?

Старик на мгновение растерялся, но быстро сообразил:

— Увлекаетесь астрономией? Пожалуй, тогда вам больше подойдет соседняя. Из ее окон открывается чистый вид на восточную часть неба.

Чэн Фань кивнул и, оставив вещи, последовал за дворецким к кабинету хозяина дома.

В отличие от уютных гостевых комнат, кабинет Се Чунъяня выглядел подчеркнуто строго и монументально. В оформлении преобладали глубокие шоколадные и угольно-черные тона, а центральное место у широкого окна занимал массивный письменный стол из ценного лакированного дерева.

Се Чунъянь работал. Тонкие очки слегка сползли на переносицу, скрывая разрез его выразительных глаз. Свободный домашний джемпер черного цвета скрадывал жесткость его плеч, придавая ему сходство с увлеченным молодым ученым.

— Пришел? — не поднимая головы от экрана, отозвался Се Чунъянь. — Присаживайся.

Дядя Чэнь бесшумно закрыл за собой дверь, оставив их наедине. Чэн Фань обошел стол и сел в глубокое кожаное кресло напротив хозяина.

В тишине кабинета мерно стрекотала клавиатура. Чэн Фань долго разглядывал мужчину, прежде чем тихо произнести:

— Спасибо, что согласился забрать меня раньше.

— Надо же, — Се Чунъянь наконец оторвался от монитора. — А я думал, избалованные молодые господа не умеют благодарить.

На щеках юноши проступил едва заметный румянец смущения, а в голосе прорезались упрямые нотки:

— У меня не было выбора. Если бы я вернулся к ним, скорее всего, мы бы вообще больше никогда не встретились.

Кабинет наполнился тихим шорохом — принтер выдал несколько свежеотпечатанных листов. Чтобы скрыть неловкость, Чэн Фань спросил первое, что пришло в голову:

— У тебя есть домашние животные?

— Забота о животных отнимает слишком много ресурсов, — сухо ответил Се Чунъянь. — Я предпочитаю тратить это время на бизнес.

Он собрал листы, разделил их на два экземпляра и протянул один из них гостю:

— Это черновик нашего брачного договора. Давай обсудим детали и внесем необходимые правки.

Чэн Фань погрузился в чтение.

Се Чунъянь откинулся на спинку кресла и снял очки, устало потерев переносицу:

— Твою проблему с семьей можно решить двумя путями. Первый — быстрый и беспощадный. Я могу обанкротить бизнес Чэнов и вогнать их в такие долги, что они окажутся на самом дне меньше чем за месяц. Второй — тактика медленного яда. Будем душить их постепенно. Каким будет финал и сколько продлится их агония — решать тебе.

Пальцы Чэн Фаня крепче сжали плотную бумагу. Перед глазами темным удушливым потоком пронеслись воспоминания из прошлой жизни: бесконечные дни взаперти, унижения, медленное угасание ума и тела.

Он медленно опустил листы на стол, сделал глубокий вдох и твердо произнес:

— Простое банкротство — слишком легкий исход. Я хочу, чтобы они лишились всего, что им дорого: репутации, связей, статуса. Пусть наблюдают, как их хрупкий мир рушится, и они

ничего не могут с этим поделать. А финал своей жалкой жизни они должны встретить в тюремной камере. Только так они искупят то, что совершили.

С каждым словом его голос становился холоднее. В груди защемило, словно он вновь очутился в той кошмарной снежной ночи на изломе зимы. Колючий мороз, сырой асфальт, расплзающаяся под телом боль и ледяное равнодушие тех, кого он считал близкими. Никто не пришел ему на помощь.

— Еще я подозреваю, что мое усыновление не было случайным. Все дело в моем гороскопе и предсказании монаха. Возможно... возможно, меня просто украли у настоящих родителей, или здесь кроется какая-то другая тайна. Мне нужно найти свою настоящую мать, но для этого придется копать очень глубоко.

При упоминании матери взгляд Чэн Фаня подернулся дымкой слез, кончики пальцев, стискивавшие бумагу, побелели от напряжения.

Се Чунъянь не ожидал, что семейные дразги Чэнов скрывают столь грязные и опасные тайны. Он помрачнел и молча нажал кнопку вызова под столешницей.

В дверь негромко постучали. Вошел дядя Чэнь и поставил перед Чэн Фанем чашку с дымящимся горячим шоколадом.

— Слышал, молодые люди любят сладкое, — с мягкой улыбкой произнес старик.

Юноша поспешно сморгнул слезы и отвернулся к окну, надеясь, что дворецкий не заметил его слабости.

— Спасибо, — негромко поблагодарил он.

Дядя Чэнь тактично удалился.

Сделав несколько глотков ароматного, в меру сладкого напитка, Чэн Фань почувствовал, как по телу разливается приятное тепло, а удушливая волна ненависти в груди немного отступает.

Спустя пару минут Се Чунъянь спросил:

— Твоя ненависть вызвана только историей с усыновлением и их лицемерием? Или случилось что-то еще?

Интуиция подсказывала ему, что за ледяным тоном парня скрывается куда более страшная правда.

Чэн Фань заговорил очень тихо и ровно. Успокоившись, он рассказывал о пережитом кошмаре так отстраненно, словно это была чужая история:

— Они на протяжении двух лет тайно подсыпали мне яд, разрушающий нервную систему. Хотели сделать из меня безвольного дурачка, чтобы после моего двадцатилетия навсегда запереть на чердаке.

Се Чунъянь строил разные догадки по поводу хрупкого здоровья своего фиктивного жениха, но даже в мыслях не допускал столь изощренного домашнего насилия. Родные люди планомерно травили собственного ребенка.

Чэн Фань поднял на него глаза:

— Звучит безумно, правда? Чэн Шухуэй повернута на фэншуй и предсказаниях. Какой-то шарлатан внушил ей, что мой гороскоп приносит удачу. Якобы я — живой талисман, но чтобы магия работала, я должен страдать. Чем хуже мне, тем успешнее бизнес Чэнов. Они планировали держать меня взаперти, как безмозглую комнатную собачку, чтобы обеспечить безбедную жизнь своим любимым детям.

— Дикость, — ледяным тоном процедил Се Чунъянь. Он придвинул к юноше коробку с салфетками. — Твою позицию я понял. Теперь вернемся к договору. Посмотри пункт о компенсации после нашего развода. Тебя устраивают цифры?

— Компенсация? — Чэн Фань промокнул глаза салфеткой, и в его осанке вновь проявилась привычная гордость. — Мне не нужны твои деньги. И претендовать на имущество семьи Се я не собираюсь. Достаточно того, что ты поможешь мне уничтожить Чэнов.

— Когда Чэны обанкротятся, ты останешься без гроша в кармане, — резонно заметил Се Чунъянь. — Если откажешься от выплат, на что собираешься жить?

Хотя Чэн Фань понимал прагматичность этих слов, скрытое сомнение в его способностях уязвило его самолюбие. Он выпрямился в кресле и с вызовом посмотрел на собеседника:

— Я планирую стать продюсером и обязательно добьюсь своего. Да, я потерял год из-за болезни, но подготовлюсь и поступлю в Университет К.

Университет К считался ведущим творческим вузом страны. Это была настоящая кузница кадров для киноиндустрии, куда стремились лучшие таланты, а на отделение продюсирования ежегодно набирали не более двадцати человек со всего Китая.

— Университет К? — усомнился Се Чунъянь. Будучи выпускником престижного зарубежного университета, он прекрасно понимал уровень конкуренции. — Судя по твоим документам, ты почти не посещал старшую школу. Уверен, что справишься с экзаменами?

Чэн Фань знал, что Се Чунъянь получил блестящее образование за границей. И этот снисходительный тон заставил его упрямо вздернуть подбородок:

— Я подтяну теорию. К тому же у меня будут дополнительные баллы за творческий конкурс. Моя хореография обеспечит мне проходной балл.

— Ты танцуешь? — удивился Се Чунъянь.

— Ты хоть раз слышал о всемирной танцевальной премии «SERIY»? — с гордостью спросил Чэн Фань. — Ее признают все международные ассоциации хореографов. Тебе ни о чем не говорят элементы вроде прогиба назад с веером в зубах или прыжка с касанием короны? По сложности это ничуть не легче, чем закрутить тройной пируэт в воздухе без подготовки.

Се Чунъянь, абсолютно далекий от тонкостей балета и традиционной хореографии, хмыкнул:

— Звучит впечатляюще.

— Еще бы, — самодовольно прищурился юноша.

Мужчина негромко рассмеялся. Оперевшись локтями о стол, он произнес с легкой усмешкой:

— Как хочешь. А я ведь планировал собрать для тебя приличное приданое к моменту нашего расставания.

— На второй брак? — хмыкнул Чэн Фань.

Се Чунъянь молча приподнял бровь, подтверждая догадку.

Эта шутка заметно разрядила гнетущую атмосферу в кабинете.

Чэн Фань вновь углубился в чтение договора. В лучах заходящего солнца его изящный профиль казался хрупким и на удивление красивым.

— Действительно, щедрое предложение, — протянул он, листая страницы. — Может, ты еще и свидетелем на моей следующей свадьбе согласишься стать? Порадуешься за мое новое счастье.

— Если для тебя это так важно, я не против, — отозвался Се Чунъянь.

— Заранее благодарен.

Закрыв тему с условиями юноши, Се Чунъянь перешел к делу:

— Теперь обсудим мои требования.

— Слушаю.

— Все просто. Мне нужны все факты, которыми ты располагаешь. Никаких недомолвок и секретов. Если Чэны действительно ведут дела за моей спиной с моим вторым дядей, ты должен будешь подыграть мне в нужный момент.

— Договорились, — без колебаний согласился Чэн Фань.

Се Чунъянь привык действовать быстро. Он внес правки в файл и распечатал финальную версию соглашения в двух экземплярах. Вопреки протестам юноши, пункт о щедрой компенсации остался без изменений. Когда подписи были поставлены, мужчина достал из бумажника безлимитную черную карту и положил ее на стол:

— Твои карманные расходы. От этого тоже откажешься?

Чэн Фань спокойно взял карту и спрятал в карман.

— А почему сейчас не споришь? — с любопытством прищурился Се Чунъянь.

— Мой отказ касался периода после развода, — совершенно серьезно ответил парень. — А пока мы помолвлены, я имею полное право тратить твои деньги. Разве нет?

— С точки зрения логики не подкопаешься, — усмехнулся Се Чунъянь. — Ладно, уже поздно. Иди отдыхай.

Чэн Фань прижал к груди свой экземпляр договора, но уходить не торопился. Один вопрос все еще не давал ему покоя:

— Могу я спросить? Почему ты все-таки согласился на этот брак? Тогда, на террасе, ты был категорически против. Да и я потом думал... Мы ведь могли найти другой формат сотрудничества, без этой фальшивой свадьбы.

Се Чунъянь поднялся, подошел к кофемашине и налил себе чашку эспresso. Сделав глоток, он прислонился к краю стола.

При его росте под метр девяносто он казался очень высоким. Свет из сада падал сквозь панорамное стекло, вытягивая его длинную, четкую тень на полу. У него были удивительно

красивые руки: длинные, сухие пальцы с четко очерченными суставами уверенно держали чашку. Чэн Фань поймал себя на том, что засмотрелся на них.

Если бы он не знал сурового нрава этого человека, то решил бы, что перед ним утонченный, мягкий эстет.

— Во-первых, я убедился, что ты владеешь информацией, которую мне не достать обычными путями, — спокойно ответил Се Чунъянь. — Во-вторых, ты идеальная приманка для Чэнов и их сообщников. И в-третьих, мой дед уже замучил меня требованиями остепениться. Наш союз избавит меня от бесконечных и нелепых свиданий вслепую.

Он бросил на юношу пронизательный взгляд:

— А ты? Если понимал, что штамп в паспорте необязателен, почему согласился пойти под венец со мной?

Чэн Фань очнулся от своих мыслей:

— Мое положение было отчаянным. Помолвка с тобой — единственный способ быстро и законно уйти от Чэнов. Иначе... я бы просто не выжил.

Се Чунъянь чувствовал, что за этими словами кроется глубокая личная драма, но лезть в чужую душу не входило в его привычки. Он вернулся к бумагам:

— Что ж, надеюсь на плодотворное сотрудничество. Как тебе дом? Все устраивает?

На самом деле Чэн Фань был в восторге. Чистота, тишина, уютная спальня, а главное — абсолютная безопасность под крылом этого сильного мужчины. Но признаваться в этом вслух не позволяла гордость.

— Сойдет, — буркнул он.

— Раз молодой господин доволен, иди спать, — отозвался Се Чунъянь.

Его прямолинейность задела Чэн Фаня.

— Мог бы выпроваживать гостей и повежливее, — проворчал он. Заметив, что мужчина налил вторую чашку крепкого кофе, он не удержался от вопроса: — Ты всегда работаешь по ночам?

— Если я не буду отправлять засидевшихся гостей спать, мне придется работать еще дольше, — ровным тоном ответил Се Чунъянь.

Удар был тихим, но точным. Чэн Фань возмущенно вскинулся:

— Вообще-то, по-настоящему успешные люди невероятно дисциплинированы! Они ложатся рано, встают на рассвете и все успевают без ночных посиделок!

Се Чунъянь даже не поднял головы:

— Это потому, что они далеко не так успешны, как я.

Чэн Фань задохнулся от возмущения. Поняв, что в словесной дуэли ему не победить, он сердито развернулся и пошел к выходу. Несмотря на бурю эмоций, дверь за собой он закрыл на удивление тихо.

Се Чунъянь скользнул взглядом по закрывшейся двери и хотел было вернуться к делам, как вдруг заметил на краю стола подписанные листы договора, которые его новоиспеченный жених благополучно забыл.

Привычка держать все важные документы под контролем взяла верх. Он поднялся, взял бумаги и направился к спальне Чэн Фаня.

Дядя Чэнь действительно постарался на славу: в гостевой спальне царил идеальный порядок, а в воздухе витал едва уловимый, успокаивающий аромат лаванды и сандала.

Оказавшись в своей комнате, Чэн Фань почувствовал такое облегчение, что невольно замурлыкал под нос веселый мотивчик. Ему здесь безумно нравилось.

Сбросив тапочки, он ступил босыми ногами на невероятно мягкий шерстяной ковер. Тело само вспомнило забытые за годы болезни движения. Чэн Фань плавно прогнулся в пояснице, вскинул изящные руки и закужался в легком, почти невесомом танце.

Его силуэт, пластичный и одновременно сильный, отражался в теплом свете торшера, отбрасывая изящную тень на полуоткрытую дверь коридора.

Подошедший к комнате Се Чунъянь замер у дверного проема. В одном из пируэтов домашняя футболка Чэн Фаня задралась, обнажив полоску фарфорово-белой, гладкой кожи на талии. Мужчина инстинктивно отвел взгляд в сторону, но безупречные, бесконечно длинные линии ног юноши упорно приковывали к себе внимание.

В финальном па Чэн Фань застыл, выгнув спину подобно тонкой нефритовой статуэтке. Последние лучи заката окрашивали его фигуру в мягкие золотистые тона, делая танец

похожим на ожившую старинную картину.

Когда танец завершился и юноша медленно опустил руки, из полумрака коридора раздался низкий, бархатистый голос Се Чунъяня:

— Похоже, молодому господину у меня действительно очень нравится.

<http://bllate.org/book/19809/1986998>